

deteriores. Collazioni umanistiche ed editiones principes»), посвящена в основном доказательству условности термина «deteriores» и описанию различных случаев, показывающих, какие методы необходимо применять, чтобы издания рукописей были сделаны добросовестно.

Паскуали пишет: «Или можно доказать, что рукопись во всем без исключения исходит от другой сохранившейся рукописи, и тогда она будет элиминирована,⁶ или этого доказать нельзя, и тогда безусловный долг издателя выяснить, в каких отношениях родства состоит она с другими свидетельствами традиции этого сочинения. От этого долга можно отступить лишь в самых исключительных случаях, например когда дело идет о творениях отцов церкви, которые существуют в бесконечном количестве экземпляров и все же содержат очень небольшое число сколько-нибудь значительных разночтений. Здесь текст, вероятно, быстро установился, и достаточно для его реконструкции некоторого числа случайно выбранных кодексов. Здесь критерий правдоподобия большею частью заменяется другим, внутренним критерием, очевидным преимуществом традиции. Все же издатель, позволивший себе сделать такой упрощенный ход, должен сознавать, чем он рискует. Равным образом в общем можно пренебречь кодексами авторов классической древности, относящимися ко времени после XVII в., так как не может быть, во всяком случае в наиболее цивилизованных частях Европы, чтобы в XVIII в. и позднее были уничтожены или исчезли собрания рукописей, не возбудив никакого шума».

Что касается новейших рукописей, то, несмотря на возможную интерполяцию, они все же могут сохранить отсутствующую в других местах первоначальную традицию, тогда как рукописи, относящиеся ко времени до XV в., могут происходить от эпох и из местностей, где интерполяция была в ходу, и потому их преимущество перед кодексами более новыми часто лишь кажущееся. Хотя все это и известно теоретикам, но изменения в практике издателей основаны столько же на теоретических соображениях, как и на практическом опыте. Паскуали останавливается подробно на истории изучения одной, приписываемой Ксенофону, рукописи, подтверждающей высказанное им мнение.

То, что происходило с греческими кодексами, которые еще были доступны и переписывались в XV в., а потом исчезли, произошло, может быть даже в большей степени, с кодексами латинскими. Несмотря на то что итальянское Возрождение было скорее латинским, чем греческим, поскольку итальянские гуманисты и знали больше и интересовались больше латынью, чем греческим, все же вновь найденные латинские кодексы не хранились с достаточной заботой. Происходило это потому, что гуманисты видели в рукописи не документ, а только новый текст. Если этот текст точно был скопирован, рукопись теряла для гуманистов почти всякую цену. Нужен был многовековой опыт, чтобы убедить ученых, что в каждой скопированной или сверенной рукописи обнаруживаются пропуски и ошибки.

Если во времена первого Возрождения часто кодекс с новым произведением копировался только один раз и часто, т. е. почти всегда, он был труден для чтения, то все последующие копии снимались не с оригинала, а с этой первой копии, так что оригинал не употребляли, и он часто оказывался утерянным. Распространение книгопечатания принесло исключительно большой вред очень хорошо написанным кодексам: если рукопись

⁶ Если только копии не могут помочь заполнить лакуны оригинала, появившиеся после переписывания, или восстановить чтение его, которое позднее было изменено правщиками, и в этом роде.